

Иванова тайна

...Толстые журналы, бывшие некогда любимыми довольно обширным слоем советского населения, сегодня имеют приверженцев не столь многочисленных, но верных. В городских библиотеках «Новый мир», «Звезда», «Знамя», «Дружба народов», «Иностранная литература» пользуются устойчивым спросом у двух-трёх десятков человек, а некоторые и вовсе ничего кроме не читают. Причисляя себя к этому отряду читателей-почитателей, спешу поделиться своей находкой с теми, кто в эти журналы не заглядывает. Итак, прошлогодний сентябрьский номер журнала «Знамя», Белла Ахмадулина — «Нечаяние».

...И мы двинулись.

Путь известный: Загорск, Переславль-Залесский, где и сделаю неподробную остановку. В ту пору работал там старый друг и однокашник Бориса по Архитектурному институту Иван Пуришев. Тяжкие его труды напрямую были касаемы охраны памятников старины и состояли из непрерывной битвы: было от кого охранять. Туристы — нужны, но урождённый и воспитанный долг велит рушить и разорять. В побоище этом подвижник Иван был слабейшей, но доблестно оборонительной стороной. Кроме созерцания знаменитых заглавных храмов и Плещеева озера, где кораблестроил и флотоводил начинающий Великий Пётр, предстояли нам горячие объятия, рассказы с древним истоком, усладные застолья.

Одна Иванова тайна ранила и поразила. Это была его любимая печальная забота: на отдалённом затаённом возвышении маленькая, незапамятного (не для Ивана) века, прескорбная, пожалуй, скорбнейшая из всех виданных, церковь — Троицкий собор Данилова монастыря. Ключ от неё уберегал сражатель Иван.

Стены многогорестной церкви, словно вопреки пресветлому прозрачному Дионисию, расписал самородный, страстный, страждущий мастер, как бы загодя противоборствующий нашествию истребительных времён. Невыразимо печален был взор Божией Матери, словно предвидящий — что произойдёт через тридцать три года с осиянным Младенцем, ушедшим из её охранительных рук, суровы и укоризненны лики Апостолов и Святых угодников. Весь внутренний объём купола занимал страдальческий образ Иисуса Христа.

Страшно убитвище никогда не мирного времени. В церкви размещалась некогда воинская часть, используя осквернённый, опоганенный приют как развлекательное стрельбище. Все изображения были изранены тщательными или ленивыми пулями, наиболее меткие стрелки целились в очи Спасителя, так и взирал Он на нас простреленными живыми зрачками с не упасшей его высоты. Душераздирающее зрелище многое говорило о Его временной смерти, о нашей временной жизни.

Пред выходящим посетителем представала ужасающая картина Геенны огненной: алый и оранжевый пламень, чёрный дым, терзающие уголья, кипящие котлы, извивающиеся в мучениях, вопиющие и стенающие грешники. О чём думал грозно вдохновенный живописец, для нас безымянный: предостерегал ли, сам ли страшился и каялся, проклинал ли ведомых ему нехристей? Как бы то ни было, не убоялись его предупреждающего творения вооружённые недобрые молодцы.

Пришлось Ивану утешить нас лаской и опекой, чем он и теперь занимается время от времени...

Думаю, этот небольшой отрывок из автобиографической прозы Беллы Ахмадулиной подвигнет неравнодушного читателя не только прочесть весь дневник, но и посмотреть новым, Беллиным, взглядом на виданную многожды церковь. Герой повествования, Иван Борисович Пуришев, почётный гражданин города, теперь приезжает в Переславль нечасто, поскольку преподаёт в Московском архитектурном институте. Прошло много времени, прежде чем Иван Борисович смог зайти к нам в редакцию и рассказать о своём знакомстве с Беллой Ахмадулиной и Борисом Мессерером.

— **Иван Борисович, что вы почувствовали, прочитав о себе в воспоминаниях Беллы Ахмадулиной?**

— Об этой публикации в журнале «Знамя» мне сообщил Борис. Позвонил и сказал, что вот, Белла о тебе написала, она хорошо вспоминает Переславль, визит к тебе. Мне всё это было очень приятно читать.

— **Вы давно знакомы с Борисом Мессерером?**

— Я учился с ним в институте на одном курсе. Он сам очень заметная личность, известный театральный художник, лауреат Государственной премии, народный художник России. Последние годы Борис был главным художником МХАТа, но ушёл на вольные спектакли. В его декорациях идут спектакли во многих московских театрах, а также городах СНГ и дальнего зарубежья. Художник интересный, острый, мыслящий, и я всегда стараюсь не пропустить его новые работы.

— **Мессерер — известная фамилия...**

— Борис происходит из очень знаменитой театральной семьи, которая занимает заметное место в советской и российской культуре. Один из старших Мессереров был известным актёром МХАТа, он выступал под псевдонимом Азарин. Была танцовщица Суламифь Мессерер, тоже очень известная, она сейчас то ли в Токио, то ли в Америке возглавляет школу танца. Отец Бориса был балетным танцовщиком в Большом театре. Его сестра ни более ни менее, как Майя Плисецкая, она по матери тоже Мессерер. Мать Бориса в прошлом кинозвезда немого кино Анеля Судакевич, дружившая с Маяковским и знавшая многих тогдашних деятелей искусств. Уйдя из кино, Рахиль Михайловна Мессерер стала театральной художницей, последняя её роль — небольшой эпизод в фильме «Агония». Ей девяносто с чем-то лет, недавно у неё был очередной юбилей, я иногда её поздравляю, так как знаком с ней ещё со студенческих лет.

— **Когда вы познакомились с Беллой Ахмадулиной?**

— Не помню точно год, по-моему, это был 72-й, когда Борис и Белла поженились. Они расписывались в загсе, который располагался в моём доме, у станции метро «Сокол». В этом районе находятся кооперативные дома писателей, художников, интеллигенции 60-х, там жили Евтушенко, Окуджава, Битов, Наталья Дмитриевна Светлова, Белла Ахмадулина была прописана там недалеко. Потом загс переехал поближе к центру, и когда я расписывался со второй женой, то спросил у девицы, оформлявшей документы, знает ли она, сколько известных людей расписывалось в этом загсе, в частности, Солженицын. Ну что там Солженицын, ответила девица, у нас сам Лужков расписывался.

— **Расскажите о том самом визите, описанном в «Нечаянии».**

— По моему приглашению Борис и Белла заезжали в Переславль по пути в Феропонтово и на север. Я показал им город, фотографировал в Спасо-Преображенском соборе. Боря здесь не раз гостил и без Беллы. В Москве мы постоянно видимся, я бываю у них, они у меня. Белла ко мне хорошо относится, она приглашала меня, когда ей вручали премию имени Пушкина. Эта литературная премия, крупная в денежном отношении, была учреждена немцами и вручалась в день рождения Пушкина по старому стилю. Борис приглашает на свои новые спектакли, я видел последние две его работы: во МХАТе декорации к спектаклю «Привидение» и в Большом театре к спектаклю «Конёк-Горбунок» на музыку мужа Майи Плисецкой Родиона Щедрина. У них в гостях, в мастерской Бориса, на даче в Переделкине, мне довелось встречаться с целым рядом видных деятелей культуры нашего времени — Войновичем, Искандером, Юрским, с художниками и архитекторами. У Бориса и у меня мы отмечали кончину нашего общего друга и однокурсника Игоря Лагутенко, рано ушедшего из жизни. Эта фамилия стала известной сейчас благодаря его сыну Илье Лагутенко, который стал певцом Мумий Троллем. Игорь собирал нас по случаю рождения сына, а потом я видел Илью уже взрослым, когда он собирался поступать в архитектурный институт и заходил ко мне. Кто бы мог предположить, что он станет таким модным певцом.

— **Возможно, Белла Ахмадулина и Борис Мессерер ещё приедут в Переславль?**

— Я их зову каждый год, но жизнь их очень беспокойная, они много ездят по заграницам, Борис работает в западных театрах, недавно делал где-то декорации к «Пиковой даме». Так что когда будет следующий раз, сказать трудно. Но обещаю дать вам знать, когда это случится.